

Валентин Пономаренко

*Янтарь
и рукописи
не горят*

Валентин Пономаренко

Янтарь и рукописи не горят. Роман

«Издательские решения»

Пономаренко В. В.

Янтарь и рукописи не горят. Роман / В. В. Пономаренко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902608-8

В Летнем саду Петербурга к двум редакторам является Сатана Валаам и заявляет, что прибыл чтобы найти автора, который напишет продолжение романа одного известного писателя. Он находит этого человека и тот пишет роман. Его жену зовут Маргарита, она преподаёт в Финансово-Экономическом университете и помогает в издательстве романа.

ISBN 978-5-44-902608-8

© Пономаренко В. В.
© Издательские решения

Содержание

Летний сад, Летний сад, белой ночи аромат	6
Пролог	8
Явление героя	13
Квартирный вопрос	18
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Янтарь и рукописи не горят

Роман

Валентин Владимирович Пономаренко

© Валентин Владимирович Пономаренко, 2018

ISBN 978-5-4490-2608-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Каждый писатель, обязательно, должен встретить свою Маргариту, иначе, он никогда не станет Мастером.

По себе знаю!!!

Летний сад, Летний сад, белой ночи аромат

Он был Гением, и Гением от Бога! Но об этом чуть позже...

...22 июня 1990 года в Летнем саду Града Петрова прогуливались два человека. Часы на крепости отзвенели полночью, и белая ночь Невы, наконец, уронила северное солнце на ту сторону земли, весь день заливавшего аллеи парка своими жаркими лучами. Но перед тем как упасть, оно опустилось к заливу и медленно поплыло у городского горизонта ярким оранжевым мячиком; было тепло и душно, но под сенью столетних деревьев веяло прохладной тишиной и лесным спокойствием. Вообще-то, в десять вечера Летний сад закрывался, и только мраморные красавицы да героини мифов и легенд, оставались стоять на своих местах, любясь соседней Невой, золотом Петропавловки и белизной лебедей, мирно плавающих на зазеркальном озере.

Но в этот вечер, уж не знаю, почему, ажурные ворота были открыты, и, ни на набережной, вдоль ограды сада, ни в нём самом, кроме этих двух, залетевших, неизвестно откуда мужчин, никого не было.

Стояла та, короткая пушкинская тишина, что давала ночи только полчаса, чтобы вспыхнуть новой зарёй, и так до конца июля.

Я не знаю, откуда взялись эти двое прохожих, но оживлённая беседа разлеталась веером во все стороны, правда, никого не раздражая и не беспокоя, отключив этих людей от красот окружающего мира и так беззаботно утонувших в своём разговоре.

Не буду томить читателя загадками, признаюсь, что перед нами, из перспективы аллеи, явились служители культуры, а конкретнее – чиновники от пера: Главный редактор одного ленинградского литературного журнала и его заместитель, иногда пописывающий, но только иногда, да и то, когда вопрос касался разгрома того или иного автора.

Это было его рабочим хобби, и когда ушедший в сторону от партийной линии автор, выдавал на-гора несурязицу (по личному мнению этих телохранителей русской литературы), осиновый кол критики хоронил писателя навсегда. В противном случае, более высокие начальники могли похоронить уже самих хранителей, и так от самых низов, до вершин Союза советских писателей.

Оба прохожих были хорошо одеты, импортные летние туфли и светлые брюки, отдающие зарубежным блеском, а также рубашки с короткими рукавами, выдавали в них людей, приближённых к дорогой раздаче, как ширпотреб, так и продовольственных Елисейских гастрономов. Сюда бы я добавил санатории Сочи и потусторонние поездки за рубеж, конечно, производственные, и множество необходимых контактов, как в Ленинграде, так и в Москве.

Литература – дело тонкое, и то, что она несла в души наших граждан, в значительной степени зависело от этих и им подобных чиновников.

– Понимаешь, Сеня, – растягивая слова, говорил Главный – высокий, чернявый мужчина лет сорока, но с уже вырастающим животом и лоснящимися щеками, – сейчас наступило такое время, когда не знаешь, кого слушать. Горбачёв разрешает некоторую свободу, а другие члены Политбюро наоборот, предлагают затягивать гайки. По всей стране расплодилось море писателей, да пишут чёрт знает что, и, вроде, правильно пишут, а думаешься – сплошная антисоветчина.

Сегодня мы должны ещё более тщательно отбирать произведения. Это не в те далёкие времена, когда все всего боялись и даже подумать не могли написать хоть слово против партии, а сейчас – все кому не лень. Ты же, как никто другой, знаешь, что устроили над Зощенко и Ахматовой. Да и «Звезду», и «Ленинград» закрыли. Неужели ты хочешь, чтобы и наш журнал вот так же с позором и улюлюканьем? А?

– Ну, так несут, шлюют, и кроме политики, сплошная пошлость, – вступил в разговор второй гражданин, значительно моложе Главного редактора, но фигурой ничем от первого

не отличавшийся, – а теперь ещё и церковную литературу понесли. Я, конечно, принимаю, но приходится постоянно доказывать, что это заблуждение, что свобода слова не означает свободу нести ахинею в народ.

А представляете, как я устал всем им доказывать, что Бога нет. И гадалки и шаманы, и... ну, это, новое направление, как его, о! Экстрасенсы. Не хватало ещё опуститься до сатаны и усесться на одну скамейку рядом с дьяволом!

Тут на днях один учёный муж принёс мне рукопись. Ну, я Вам скажу. Вот откуда у этих вундеркиндов от науки такие мысли? Я решил перед сном почитать, так волосы встали дыбом от его писанины. Бросил, и никогда не продолжу чтение. Придёт за ответом, отвечу достойно.

Его рукопись у меня в портфеле. Несу назад в редакцию. Давайте-ка, я вам почитаю, так, кусочек. Только послушайте, послушайте, это ж надо такое придумать:

Пролог

Короткий день заканчивался. Уродливые тени домов медленно ползли к востоку, засасывая город в темноту осенней ночи. Красный диск солнца, процедившись сквозь толщу атмосферы и пыли, быстро и рано прятался за близким горизонтом города. Оставалось минут десять, до того, как он нырнет в муравейник домов, когда последний луч, блеснув на верхушках деревьев, осветил небольшую комнату на шестом этаже дома №7 по улице Дальних родственников.

У тёмного секретера, лицом к книжным полкам, сидел археолог, а вначале биолог Николай Владимирович Новиков. Сейчас это был усталый, с сильнейшим нервным расстройством человек, который ждал чего-то страшного и непонятного. Он смотрел на Библию, лежавшую у его правой руки и, непереставая, шептал:

– Что Он имел ввиду, говоря...?

– Он же Сам выбрал меня и обещал не покидать до самого последнего дня.

– Неужели этот день настал?»

Ну, и дальше, в том же духе. Автор представился астрофизиком. Вот Вам причина и следствие. В литературе полная бездарность, а туда же. Я не стал ему объяснять, что между литературой и звёздами такая же разница, как между лягушкой и Шекспиром. Ха-Ха!!! Занимался бы своими туманностями и не лез туда, куда не каждого и писателя-то пускают. Хотя, и сами туманности, весьма туманны. А литературные изыскания этого автора столь же туманны, как и его небеса обетованные. Комментарии здесь излишни...

Но вдруг, как ответом на его слова, в лицо ударил резкий порыв ветра. Он подхватил рукопись хоботом смерча и, нырнув в боковую аллею, исчез у Инженерного замка.

– НЕТ, ОН НЕ БЕЗДАРНОСТЬ!!! – громыхнуло на весь Летний сад вместе с вихрем,

– ОН АСС СВОЕГО ДЕЛА!!! – и парк снова погрузился в тишину белой ночи.

Литераторы переглянулись, мгновенно побледнев, а в души медленно, но цепко начал вцарапываться заgrabный холодок. Из глубин вековых клёнов вырвался свист, над головами, громко захлопав крыльями, взлетели чёрные птицы, а на аллее, далеко, далеко, у самой ограды, что со стороны Невы, появился человек.

Ноги писателей задрожали мелкой дрожью, силы стали покидать располневшие тела, но тут явилась скамейка, будто из далёких царских времён, и оба тела рухнули на неё, устремив стеклянные глаза в далёкое ниоткуда.

А это далёкое, медленно и бесшумно, проявилось чёткой голограммой, и уже через минуту стояло у скамейки. Затем вежливо кивнуло головой и уселось рядом, устремив свой реликтовый взгляд на Лебяжью канавку, за которой, звеня и громыхая, шёл ленинградский трамвай...

И шёл он в сторону Садовой улицы, на которой, кстати, не было дома... №302-бис, с квартирой №50, потому, что всё это происходило в Ленинграде, и до той квартиры, что сгорела в Москве, простиралась пропасть длиной в 60 лет и 650 км железнодорожного полотна...

Трамвай ушёл влево и скрылся за стволами дубов и лип. Наступила тишина. Марсово поле, поколебавшись Вечным пламенем, опять уснуло, и над ним, неизвестно откуда, в пепельном небе белой ночи, всплыла полная луна.

– Чего-чего, а Москву я не люблю, – заговорил из бесконечности веков незнакомец, глядя на кусты сирени и жасмина бывшего Царициного луга. А вот Петербург посещаю часто. Помните, вон там стоял Питейный дом, а потом, вдруг, выстроили оперный театр, который Павел, в ярости, приказал снести, и за одну ночь от него ничего не осталось. Елизавета устроила на поле Променада, и здесь гуляла самая изысканная публика города. Парады, учения, прекрасное было время! Я помню, как это поле называли Петербургской Сахарой, когда от маршей

солдат и копыт лошадей белая пыль устилала не только все близлежащие постройки, но и Летний сад. А однажды, я встретился здесь с Пушкиным, во время военного парада 6 октября 1831 года, в тот день поэт был очень расстроен и жаловался на литераторов, что уродуют русский язык своими безграмотными перлами: «Прекрасный наш язык, – говорил Александр Сергеевич, – под пером писателей неучёных и неискusstных, быстро клонится к падению. Слова искажаются. Грамматика колеблется. Орфография, сия геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого».

Ну да, ладно о прошлом. Я прибыл по делу.

Да, да, по делу.

Знаете, давным-давно, моим родственником были произнесены вот эти слова: «Ваш роман прочитали и сказали только одно, что он, к сожалению, не окончен».

Я пришёл, чтобы найти нового писателя, который напишет продолжение, но продолжение о Жизни, той Жизни, что наперекор всем бедам, будет продолжаться.

А начинаться роман должен с Голгофы, так приказал Он! Поскольку после этого, Мир станет уже совершенно другим!!!

И такового я нашёл! Вот его роман, извините, но я вынужден был его у Вас забрать. И не смотрите на меня такими остекленевшими глазами.

Нет, нет, нет, в Вашем городе я никого убивать не буду, да и трамвай уже ушёл, а та дурочка с бидончиком масла давным давно умерла в Москве.

Видите ли, столицу я не люблю. И то, что мой родственник натворил в далёком прошлом, повторять не стану. Я вообще сегодня просто турист, для Вас – иностранец.

Да, да, да я Сатана, я демон во плоти, и моё имя – Валаам. И, как бы Вы ни шарахались от призраков прошлого, но посидеть со мной, на этой скамейке, Вам придётся. Её тоже поставил я. А после разговора, Вы уйдёте к себе в редакцию живыми и здоровыми. Зачем мне Вас за что-то наказывать?

Знайте, пролетит десяток лет, и Вы сами, своими руками, не только измените свои жизни, но и будете делать то, что даже я не додумался сотворить. Человек по своей природе – Сатана, и если его не остановить, он уничтожит то, что другие создавали веками, но когда придёт осознание содеянного, будет уже слишком поздно, и вернуть доброе прошлое, осатаневший человек не сможет никогда.

И то, что Марсово Поле теперь кладбище – весьма символично.

Когда-то оно было блеском русской армии. Тогда и Пушкиным блистала Россия.

Поверьте, Он есть, и Он всё видит!!! Он сильнее меня!!! Это Он сжёт Зимний дворец – рассадник ненависти к русскому гению.

И очень скоро Он камня на камне не оставит, уже от целой страны, которая так хладнокровно уничтожала, и будет уничтожать свою Славу, Гордость и лучших людей Отечества.

А Вы, сегодня отрицающие Бога, будете каждый православны Праздник, протискиваться к иконостасу, или сбившейся толпой плестись за священником в Крестный ход. Потом всю ночь молиться Господу, и это действие будет показывать всё телевидение страны. А, вычеркнув из партийной памяти свой прошлый воинствующий материализм, Вы, попирая все законы страны, будете бояться только Бога, поскольку осквернить и нарушить Его Вселенские законы Вам будет не по зубам.

Гость поднял глаза на серебристую луну, и начал читать, что-то, из далёких Небес:

«Короткий день заканчивался. Уродливые тени домов медленно ползли к востоку, засасывая город в темноту осенней ночи. Красный диск солнца, процедившись сквозь толщу атмосферы и пыли, быстро и рано прятался за близким горизонтом города. Оставалось минут десять, до того, как он нырнет в муравейник домов, когда последний луч, блеснув на верхушках деревьев, осветил небольшую комнату на шестом этаже дома №7 по улице Дальних родственников».

У тёмного секретера, лицом к книжным полкам, сидел археолог, а вначале биолог Николай Владимирович Новиков. Сейчас это был усталый, с сильнейшим нервным расстройством человек, который ждал чего-то страшного и непонятного. Он смотрел на Библию, лежавшую у его правой руки и, непереставая, шептал:

– Что Он имел ввиду, говоря...?

– Он же Сам выбрал меня и обещал не покидать до самого последнего дня.

– Неужели этот день настал?

Николай Владимирович поднял руки, и все тело его задрожало. В лучах заходящего солнца руки показались залитыми кровью. Кровь блестела на солнце и медленно стекала к локтям.

«Значит я прав», – пронеслось в голове у Новикова, и в этот момент солнце скрылось за домами. Кровь исчезла, а комната погрузилась в полумрак осеннего вечера.

– Я не хочу умирать! – закричал Николай Владимирович и потянулся к выключателю, но рука никак не могла его нащупать.

Он поднял глаза, однако, вместо книжных полок на него глянула зловещая пустота. Не было секретера, не было стены, не было ничего. Бесконечная, бархатная пропасть гипнотического Ничего смотрела на него мириадами звёзд и галактик. Холодный пот прошиб археолога. Он закрыл и открыл глаза. Видение не исчезало. В лицо дохнуло Мировым холодом и в ту же секунду все звёзды стали, со всё возрастающей скоростью, удаляться от него. Новые звёзды снова и снова вылетали откуда-то из-за спины и, мелькнув, проваливались в это чёрное космическое окно. Как ни странно, сознание не помутилось. Как учёный, он все соображал, но не мог отделаться от мысли, что время остановилось и пошло в обратную сторону. Кажется, прошла вечность. Глухонемая тишина поглотила комнату, а в зияющей бесконечности, как призраки летели и летели звёзды.

Вдруг, все это исчезло. В лицо ударил яркий солнечный свет, жаркий средиземноморский воздух и горький запах пота и крови.

Новиков закрыл глаза, а когда попытался их открыть, то ощутил режущую боль воспалённых глаз и невыносимую, страшную боль в руках и ногах. Он поднял голову и осмотрелся. Сквозь пелену пота, струившегося по глазам, он с трудом различил, где-то внизу, толпу людей. Повернул голову вправо, затем влево, и какие-то смутные догадки пролетели в сознании. Слева, закопанные в землю стояли два креста. На каждом из них был распят человек. И тогда он понял, почему болели руки и ноги. Он тоже был распят.

Их было трое, приговоренных к смерти. Два преступника и Учитель. Часть толпы кричала, издеваясь над Учителем, а он молчал, обратив свой взор в небо, и что-то шептал. Из троих распятых только у него на голове был надет терновый венок. Шипы впились в кожу, и кровь струйками стекала по лицу.

Тут Новиков услышал, как второй преступник, вдруг, заговорил, обращаясь к Иисусу:

– Если ты Христос, спаси себя.

Сам же Новиков, напротив, унимал его и говорил:

– Или ты не боишься Бога, когда и сам осуждён на то же.

И, обращаясь к Иисусу, сказал:

– Помяни меня, Господи, когда придёшь в Царствие Твое!

На что Иисус ответил:

– Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю.

Внезапно небо стало чёрным, загромычала гроза, и пошел сильный дождь...

Прошло какое-то время и все трое испустили дух. Охранники перебили голени преступникам, а Иисусу ткнули под ребро копьём и, убедившись, что все трое мертвы, собрались уходить...

Но, именно в этот момент раздался сильнейший треск. Голгофа пошла змеиной трещиной от креста Иисуса куда-то вглубь, а по стенке трещины тонкой струйкой стала сочиться кровь, излитая мёртвым телом Учителя из раны, нанесённой копьём.

Кровь уверенно и настойчиво проникала внутрь раскола и, вдруг, остановилась, как бы накапливая силы для завершающего падения в пропасть. Но пропасти не было. Алая капля сорвалась со скалы, и упала на человеческий череп, лежавший в нише, которая была бесконечно древним гробом. Здесь был захоронен... Адам.

Кровь Иисуса его мгновенно оживила. Он встал, и в лучах пробившегося солнца увидел толпу людей и солдат. В то же мгновение его душа отлетела от тела, а сознание того, что его потомки живы и заселили землю, снова погребло во мрак скалы, которая тут же сомкнулась, завершая Новый Завет смертью Мессии.

В воскресенье двое из распятых вознеслись на небо, а третий так и исчез в бесконечности веков, растворившись в камнях Голгофы.

И снова исчез свет, снова открылась чёрная пустота и звёзды снова полетели, но не из-за спины, а навстречу, все быстрее и быстрее ускоряя свой полёт. Потом опять – комната, секретер и книги, но Новиков ничего этого не видел. Он лежал на полу с пробитыми руками и ногами, кровь медленно лилась на ковер, а сам хозяин комнаты был мертв.

Была пятница. Труп обнаружили в воскресенье.

Завели уголовное дело, но ранения были такими странными, что версия никак не рождалась в голове у следователя...».

Наступила гробовая тишина. Гость посмотрел на луну, и она задрожала.

– Вот он – роман, который я искал и нисколько не сомневался, что найду его, именно здесь, в Летнем саду Святого Петербурга.

Незнакомец помолчал, затем посмотрел на литераторов.

– Вы можете себе представить, чтобы такие мысли могли прийти в голову писателя сами, без посторонней помощи? Нет, господа, всё это было продиктовано Сверху, Оттуда, а может и Им Самим! Я прочёл всю рукопись и знаю, что будет дальше. Такое, человек придумать не мог.

А значит, это и есть та рукопись, которая никогда не сгорит, которая останется вечной, и читать её будут всегда и все.

И раз она дарована Сверху, её опубликуют, несмотря ни на какие запреты, цензуру и катаклизмы. Уж об этом я позабочусь!

Да, чуть не забыл, я поселился в «Астории», в номере 412.

И ещё, не пройдёт и года, как Вы вернёте городу старое название, то самое, что придумал царь Пётр. Поверьте, я знаю, что говорю. Об этом очень просил меня Пётр!!!

Но самое загадочное в этой истории, состоит в том, что роман ещё не написан, новый автор начнёт его писать только через десять лет. Его нет, а то, что Вы попытались прочитать – предостережение. Прощайте, хотя, возможно, мы ещё встретимся и не раз.

Валаам медленно окинул парк своим холодным взглядом и стал тихо растворяться, а потом исчез совсем. Как исчез? А чёрт его знает, взял да и пропал.

Вместе с ним пропала и скамейка. Литераторы бухнулись на траву и...

– Эй, мужики, а ну вставайте, – загудело в головах, и в парковой тиши возникли два милиционера.

– Во, напились, бутылку коньяка выдули, прямо в Летнем саду, ни стыда, ни совести.

На траве лежала пустая бутылка армянского коньяка, какая-то книга, два гранёных стакана и пустая баночка «Бычков в томатном соусе», – классика советского потребления алкоголя, по ниспадающей: от руководителей до инженеров и, аж до рабочего класса.

Сержант поднял книгу в красивом переплёте.

– «Мастер и Маргарита», какой-то Булгаков, – прочитал служитель закона, – что-то иностранное.

Он развернул обложку, дарственная надпись гласила: «Дорогому другу и лучшему Главному редактору от коллеги и товарища Семёна Ильича! С Днём Рождения! 22 июня 1990 года». А ниже, уже на иностранном языке одна фраза: «Memento mori» Walaam!

– Так Вы тут День Рождения, значит, отмечали, хороши, голубчики! Придётся проехать с нами... в вытрезвитель. Насколько я помню, со слов Никулина, это переводится, как: «Моментально, и в море».

– Ну, что ты, – поправил лейтенант, – это переводится с латыни, как: «Помни о смерти!», Кто-то, кого-то предупреждает.

Главный редактор забежал глазами, а после выпалил:

– Какой День рождения, я родился в январе, что Вы несёте? Вот паспорт, посмотрите, посмотрите, – пробормотал он и открыл красную паспортину.

Его глаза просто округлились, лицо покраснело, а губы прожамлили:

– Родился 22 июня...

Да, это была белая ленинградская ночь.

Самая короткая ночь лета...

Ах, как хочется поддаться соблазну и написать современное продолжение романа Булгакова. Но, нет, нет, нет, ... не буду. Лучше не получится, а повторять двух писателей, что в начале девяностых это проделали, написав два романа о Воланде и его свите в перестроечное время, не стану.

Нет, я напишу свою повесть, но только о писателе, стоящем на нашей брэнной земле, и его скитаниях по крематориям российских издательств. Будет и его роман, тут уж я позаимствовал идею у Булгакова. Я напишу о том, как он встретит свою Маргариту; и закончу словами:

«Жили они дружно и счастливо, и умерли в один день».

Ну, что же, с Богом! История начинается.

Явление героя

...Шли годы, пролетали столетия, и в один прекрасный день, на планете Земля, родился мальчик. Дали ему имя Александр, папу звали Сергеем. А случилось это в России, в прекрасном городе Ленинграде.

Принято считать, что все дети рождаются одинаковыми, а уже потом, с годами, воспитание, условия и уровень жизни, окружение, родители, улица и школа меняют их до неузнаваемости и в конечном итоге получается то, что получилось.

Но это не совсем так. Уже с появлением на свет, гены, заложенные родителями, сказываются во всём. И в красоте, и в уродстве, в уме и любознательности, стремлении к познанию и патологической лени. В общем, надо смотреть в корень, как утверждал Козьма Прутков, а уж его классическое: «Гений подобен холму, возвышающемуся на равнине!», не даёт никаких основания для заявлений, что гений – это продукт общества, воспитавшего его в своём инкубаторе.

Маленький мальчик подрос и пошел в школу. Учился он неплохо, но, и не на «отлично». Родители относились к этому спокойно – лишь бы не болел. Он и не болел. В городе было много музеев и Саше очень нравилось, когда его водили в Железнодорожный и Военно-Морской.

Но вот однажды, это было в пятом классе, детей повели в планетарий. Конечно, можно долго рассказывать о том, как интересно, а, главное, доходчиво, лектор знакомил детей с тайнами Вселенной. Как показывал планеты, звёзды, туманности и многое другое. Но когда вечером, детям дали посмотреть на Луну в телескоп, Саша твердо решил стать астрономом и посвятить свою жизнь науке.

Он только глянул в черноту космоса и заболел той тяжелейшей болезнью, которая называется жадой познания. А такая болезнь не проходит до самой смерти. Вот это и есть гениальность. Все остальное – только её следствие.

В домашней библиотеке он нашел книгу «Умелые руки». А в этой книге, на 125-й странице была глава: «Как самому сделать телескоп».

Саша собрал все старые очки и, выкрутив объективы и окуляры из фильмоскопов и диапроекторов, стал делать телескоп. В эти минуты он был похож на Галилея, только Галилей был первым и жил очень давно, но, очевидно, сердца у обоих, в порыве творчества, бились одинаково.

Оба хотели объять необъятное!

И полетели недели ночных наблюдений. Саша увидел всё то, что открыл Галилей: и спутники Юпитера, и горы на Луне, и пятна на Солнце. Все это он наблюдал в свой маленький телескоп и был счастлив. Но главное, что он понял – это то, что Земля, действительно, вертится.

Астрономическая жизнь в Ленинграде имеет одну особенность. Географическая широта города дарит жителям красоту белых ночей. Всем хорошо, но только не астрономам. И Саша спрятал телескоп до августа.

Чтобы не терять времени зря, он пошел в библиотеку и набрал книг по астрономии, космонавтике, физике, и с тем же упоением, с каким делал телескоп, принялся изучать теорию. Он прочёл много книг по физике и физиках. Популярные книги по астрономии и космонавтике. Но, почему-то, особенно понравились ему книги по истории науки. Из этих книг он понял одно: труд ученого – это тяжёлая, требующая постоянного напряжения всех внутренних сил работа. Но, пожалуй, самое большое впечатление, относительно стремления к науке, на Сашу произвели романы: Жюль Верна, Уэллса, Беляева и многих других великих фантастов. И Саша бросился в фантастику. Он уже не отличал реальность от тех событий, которые переживал в романах. А когда прочитал «Тайну двух океанов» и «Генератор чудес», нисколько не сомне-

вался в реальности повествования. Как бы ему хотелось лететь на Луну в снаряде, плыть с капитаном Немо, быть Ихтиандром, сражаться с Марсианами или лететь к Туманности Андромеды.

Да, гены свою работу сделали, и заработал детский мозг на полную катушку.

Не знаю, был ли назначен Богом Ангел – Хранитель для Саши, но когда во время крещения, батюшка случайно уронил ребенка в купель, брызги воды, поднявшиеся вверх, пересеклись с солнечными лучами, и над купелью вспыхнула радуга.

Думаю, это было Знамение.

Восемнадцать лет пролетели, в секунду, и вот у Саши – последний звонок. Во дворе школы много народа. Первоклассники поздравляют выпускников, в руке у девочки звенит звонок, но, по ком он звонит, Кто-то уже знает.

Все фигуры шахматной доски жизни давно расставлены, и этот Кто-то, должен сделать свой первый ход. А дальше будут запущены часы. Через два месяца Саша поступит на физмат университета и заживет счастливой студенческой жизнью по студенческому времени. А время, как известно, в разных системах отсчета течет по-разному.

У Вселенной оно одно, у Саши другое.

И только у Господа Бога время равно бесконечности.

А сам Господь вечен, как и вся Вселенная!

Да, наш герой стал на тропу, которая вела к одной далёкой, но пока ещё совсем не ясной цели, цели столь высокой и захватывающей, что ради этого стоило, в огне науки, сжечь свою жизнь до конца, и в угасающем пламени сказать, что пылала она не зря!

А цель была одна – открыть тайну возникновения Вселенной! Божественная теория Саше нравилась, но не устраивала, а научная терзала душу ежедневно, и каждый раз, глядя на Луну, плывущую в редких облаках, он в сотый раз повторял себе: «Я разгадаю твою самую большую загадку, Милая Вселенная!».

Время шло, знаний прибавлялось, и постепенно вырастала стройная, но сумасшедшая теория того, как из небольшого, но бесконечно плотного ядра, взорвалась наша будущая Вселенная. А через миллиарды лет, на маленькой планете Земля появился мыслящий, думающий и дерзающий человек, который завоевал не только эту маленькую планету, но и сделал первый шаг в глубину вечной бесконечности, уже самой, родившей его, Вселенной.

Но жизнь брала своё: учёба, друзья и увлечения. Однако в одном, возможно самом главном, у Саши была невезуха. Ему не везло с девушками. Казалось, что какая-то неведомая сила отводила его любовь на потом, для какой-то другой, неизвестной ему женщины, которая вот-вот должна появиться перед ним и остаться рядом навсегда.

Впервые он влюбился в школе, и любовь была та самая, что остаётся в юном сердце до гроба, но, вдруг, отца этой девушки переводят работать за Урал и первая любовь тает в тумане, а на сердце ложится тяжёлый камень разлуки.

Но идут годы, вот и университет. Вспыхивает новая любовь, но кто-то там, на небесах, её резко останавливает, и снова один. Были ещё встречи, свидания и разлуки, но острый нож судьбы вырезал и свидания, и чувства, и мечты.

И вот, однажды, случилось то, что должно было случиться, а именно то, что готовили небеса.

Окончен пятый курс, в сентябре работа над дипломом, а пока, жаркое лето, прохладная Нева, клубника и захватывающая книга в белую ночь на даче.

Но не суждено будет: есть клубнику, читать Уэллса и загорать под яблоней в саду своего детства.

Всё, что должно было случиться, произошло на Невском проспекте, том самом, где летом негде яблоку упасть от горожан, туристов, машин и, вообще, ужасной неразберихи: от гуляющих, едущих и сидящих в кафе.

В один из таких жарких июльских дней, когда Невский проспект переполнялся людскими потоками, кафе кипели от летних блюд, пива и всевозможных сладостей, по проспекту шли три человека. Они так слились с гуляющей толпой, что выделить их из этой лавины не смог бы даже самый опытный сыщик, ну тот, который жил на Бейкер стрит.

Но именно в этот день эти люди встретятся, поговорят о всякой всячине и двое изменят свою судьбу навсегда. Ведь, ничего случайного в нашем мире никогда не происходит.

О первом человеке можно сказать, что был он в достаточно пожилом возрасте, в чёрном костюме, белой рубашке с галстуком и дорогой тростью в правой руке. Он шёл медленно, внимательно разглядывая людей и красоты Невского проспекта. Типичный иностранный турист, которому некуда спешить, а дорогая гостиница всегда примет в свои объятия, даст отдохнуть и насладиться тишиной, когда бы он в неё ни вернулся. Шёл мужчина в сторону Дворцовой площади, по той стороне проспекта, где сверкал Елисейевский гастроном.

По той же стороне, навстречу друг другу шли: красивая девушка в цветастом летнем платье и парень, тот самый герой, которого я описал в начале этой главы.

Поскольку молодые люди шли навстречу друг другу, то, обязательно, наступил тот миг, когда они встретились, не взглянув, разминулись и пошли дальше, но, отмерив пять шагов, оба остановились, обернулись, посмотрели в глаза, мгновенно восплававшие любовью, и пошли навстречу, остановились. Не говоря ни слова, она взяла его под руку и, теперь уже два наших главных героя, пошли вслед за мужчиной, о котором я писал, и который, почему-то, именно в этот момент оказался рядом. Он посмотрел на молодую пару, пробормотал: – Ну, вот и Маргарита появилась. Всё идёт по плану, – и пошёл чуть впереди.

Как я уже писал, кафе, что выбросили свои зонтики на проспект, укрывшись от северного солнца, были полностью забиты отдыхающими, но мужчина резко свернув вправо, вошёл в первое, попавшееся на глаза подобное заведение, и прошёл в центр зала.

Свободных мест, естественно, не было, но в одно мгновение все столики, вдруг, опустели, посетителей, будто ветром сдуло. Остались только официантки, и мужчина сел за столик у окна, заказал чашку крепкого кофе и рюмку коньяка. Небольшой акцент выдавал его, как приезжего издалека, что подтверждал и дорогой костюм.

Посидев немного и выпив глоток коньяка, иностранец повернул голову к входной двери, которая тут же открылась и известные нам молодые люди вошли и сели за столик рядом с одиноким туристом.

Они, не отвлекаясь от беседы, заказали кофе, мороженное и фирменный бисквит этого кафе, продолжая говорить о чём-то далёком и близком, да и вообще обо всём.

Влюблённые просто узнавали друг друга. В кафе стояла удивительная тишина, в которой звучали только два голоса, а шум проспекта растворился у входной двери, будто упёрся в непроходимую стену другого мира.

– Молодые люди, простите, что прерываю Вашу беседу, – очень вежливо заговорил иностранец, – но Вы, очевидно, живёте в этом городе и могли бы мне посоветовать, как проще пройти к Петропавловской крепости. Последний раз я там был так давно, что совершенно забыл дорогу, хотя дорогой это и назвать то было нельзя.

Парень и девушка тут же прервали разговор, повернулись к приезжему и стали объяснять, как быстрее пройти к крепости.

Закончив короткую лекцию, девушка спросила приезжего:

– А Вы надолго приехали в наш город? Мы бы могли посоветовать ещё несколько прекрасных мест, которые стоит посетить.

– Я приехал надолго, буду читать лекции и вести занятия по психологии. У меня профессия такая – проникать и изучать человеческие души. Я приехал из Берлина, до этого жил в Париже, Вене, в Москве. Где я только ни жил.

– Очень интересная профессия, – сказал юноша. А не могли бы Вы заглянуть в наши души и рассказать, что там происходит?

– Ну, у Вас всё очень просто. Вы только что познакомились и будете вместе всю жизнь. Вам, молодой человек, повезло, Вы встретили свою Маргариту, которая поможет Вам закончить одну очень важную работу, предначертанную... ну, не судьбой, так Небесами.

Вы, Маргарита, заканчиваете учёбу в Финансово – Экономическом университете, станете преподавателем. Через несколько лет откроете свой бизнес, он будет успешным.

Мужчина посмотрел на юношу и произнёс:

– А вот Вы писатель. Вы напишете книгу, которую будут читать все. Такова Его воля.

Иностранец помолчал, посмотрел в окно, – но славы эта книга Вам не принесёт. Таков наш мир.

– О, здесь Вы не угадали, – улыбнулся молодой человек, – я никогда не был писателем и никогда им не стану. Я изучаю звёзды и хочу докопаться до главной тайны Вселенной – как она возникла? А если что и напишу, так это будет кандидатская или докторская диссертации.

– Ну, как возник этот мир, объясняется просто. Читайте Библию, а все другие мысли только вредны людям, – спокойно сказал иностранец и посмотрел на свой коньяк.

– Истина в вине, говорили древние. Однажды, мой родственник спорил с одним человеком, примерно, по такому же вопросу. И он плохо кончил.

– Библию я читал не раз, – с гордостью объявил юноша, – и считаю её великим произведением, но вписаться в семь дней, думаю, это даже Господу было не под силу.

– Ну что же, я вижу, Вы глубоко копаете, и знаний у Вас достаточно, чтобы спорить с умнейшими людьми на земле, но только не с Ним.

И позвольте считать Вас Гением. Вы действительно асс своего дела, но не сомневайтесь в возможностях Господа, в этом Вы очень скоро убедитесь.

Да, а звёздами Вам не придётся заниматься, Вас ждёт совсем другая работа. И на эту работу Вы будете ходить, как на праздник. Вы станете специалистом в таких шедеврах, о которых мечтают не только учёные, но и величайшие музеи мира.

Иностранец положил на столик пятьсот рублей и встал.

– А теперь позвольте откланяться. Но обещаю, мы ещё встретимся и не раз. Вы мне оба понравились. Я с такими людьми не расстаюсь никогда. И запомните, что бы, кто бы ни говорил о сотворении мира, вначале было Слово! Так что, приготовьтесь писать книгу – это будет намного важнее Ваших звёзд и туманностей. Ваше слово взорвёт этот мир.

Столик опустел, и только запах кофе и блеск солнца в коньяке говорили о том, что и иностранец, и разговор были.

Но любовь, тут же, стёрла из памяти соседа за столиком, а наши влюблённые опять нырнули в беседу, даже не заметив, что кафе вновь заполнилось людьми, что загудел Невский, и что Александр, обязательно, станет писателем и напишет книгу, продиктованную с небес.

Через десять минут влюблённые вышли на проспект, и Маргарита, прищурив глаза от яркого солнца, прошептала на ушко своей любви:

– А мне понравилось, что иностранец назвал тебя Гением. И думаю, в твоей жизни обязательно произойдёт нечто великое. Теперь я тоже, иногда, буду к тебе так обращаться. Надеюсь, ты не зазнаешься?

– Рита, дорогая, тебе можно всё. Сейчас я понял, что наша встреча не была случайной, её послали оттуда. И Александр показал рукой вверх.

Как Вы и догадались, дорогие читатели, этим иностранцем был сам Валаам – сатана, и о нём мы ещё поговорим, поскольку визит в Петербург был связан именно с двумя моими героями, которые даже не догадывались, как резко изменится их жизнь, начиная со случайного знакомства и до издания романа, который был заказан там, наверху. Но здесь, на земле, за него придётся бороться, и бороться не на жизнь, а на смерть.

Помните, как Господь изгонял Адама и Еву из Рая. У них была прекрасная беззаботная жизнь, но совершив грех, эти человеческие первенцы были строго наказаны и с тех пор люди, задуманные как существа бессмертные, отныне и навсегда становились на этой прекрасной земле её временными гостями.

Но самым страшным для людей стал Золотой телец, затмивший для многих голубое небо желтыми брызгами жадности, которая погубила не одно поколение, тянущихся к нему рук.

И хотя наши герои никакого греха не совершали, но выбрав их, те, что в небесах, прекрасно знали, что живут мои герои на земле, той самой, куда Господь отправил Адама и Еву. И, живя своей спокойной и счастливой жизнью, Александр и Маргарита, вдруг, будут брошены в водоворот таких событий, о которых, в своё время, даже не догадывались ни легендарный Мастер, ни отчаянная Маргарита великого Булгакова. Которые из того прошлого водоворота так и не всплыли, а были поглощены им и отправлены в мир небытия.

Те прошлые любовники просто сдались, не стали сопротивляться судьбе, и улетели на чёрных конях в мир вечной тишины.

Господь отказался их взять к себе.

А вот, что будет с моими героями, мы скоро узнаем. И чтобы с ними ни произошло, они будут отчаянно биться, даже не догадываясь, что на этот раз Валаам и будет их защищать от сатаны, по имени человек.

Как я и писал, та огромная любовь, что спустилась с небес, вычеркнет и дачу, и клубнику, и книги в белые ночи. Но подарит счастье всегда быть вместе, гулять по городу и паркам, мечтать, любоваться мостами и, в конечном итоге, прийти к мысли, что зимой, после защиты дипломов, они пойдут в Храм под венец, чтобы остаться вместе навсегда.

Итак, история начинается. С Богом!!!

Квартирный вопрос

Когда-то давным-давно, сидя на сцене Театра Варьете, один из гостей Москвы произнёс роковые слова: «Москвичей испортил квартирный вопрос». Конечно, он кое в чём лукавил и что-то недоговаривал, прекрасно зная, что квартирный вопрос испортил не только москвичей, но и всю страну. Живя в коммуналках и бараках, люди и днём, и ночью мечтали только об одном – отдельной квартире и избавления от надоевших соседей, что, порой, превращали коммунальную жизнь в ужасный кошмар, длящийся вечно, и из которого не было никакого выхода.

В советские времена все квартиры распределялись государством, а значит, проворачивать всевозможные махинации и отъём этих квартир было очень сложно и опасно. За каждым жильцом стоял мощный аппарат, и воевать с ним, если и решались, то очень немногие.

И вот, через много лет, когда сам человек приобрёл качества сатаны, он стал проворачивать такие операции с чужими квартирами, о которых черти даже не догадывались.

Жителей страны испортила частная собственность на эти самые квартиры, а раз собственником стал отдельный индивид, открылись бесконечные возможности их отъёма, не боясь, что государство станет на защиту несчастных. И по всей стране стали плодиться сотни тысяч выброшенных на улицу людей, а десятки тысяч, не захотев расстаться с жильём, ушли в мир, где не нужно уже ничего, потому что там всегда исключительная благодать. Там квартир хватало на всех.

Ну да ладно, к вопросу о жилье мы ещё вернёмся.

Закончилось лето, отплакалась осень, ударили морозы, и настал час защиты дипломов.

Лютовал февраль, чего не скажешь о Государственной аттестационной комиссии, и наши герои студенты вышли на подиум, чтобы убедить профессоров в своей полной профессиональной пригодности и удивить своими знаниями маститых и придирчивых.

Первой защищалась Маргарита и, закончив доклад, она получила пятёрку, а руководитель её кафедры сообщил, что ей предложили поступить в аспирантуру и продолжить работу в родной *alma mater*, что открывало огромные перспективы её будущей жизни.

Отпраздновав пятёрку и замахнувшись на будущее, молодые люди рано легли спать, поскольку завтра решалась судьба мастера астрофизики, и чей диплом будут слушать очень известные учёные. Таков был состав комиссии.

Не став тянут кота за хвост, Александр начал с главного и тем самым заставил присутствующих перенестись в далёкое прошлое нашей Вселенной, рассказав, с чего всё началось.

– ...Вселенная готовилась к своему рождению. Каждые сорок миллиардов лет она сжималась, какое-то мгновение замирала в раздумье, а потом взрывалась и, разлетаясь во все стороны, производила звёзды, галактики, квазары и многое, многое другое, что в конечном итоге рождало жизнь. А уже сама жизнь, в мучительных родах, выбрасывала на свет Божий разум, который, очень часто, эту жизнь и уничтожал.

Итак, замерев на секунду, огромный клубок бывшей Вселенной, вобравший в себя всю массу элементарных частиц, что когда-то составляла необъятное, вдруг, превратился в фотоны. А значит, частиц с массой покоя не стало. Масса просто исчезла. С ней исчезло гравитационное поле, пространство и время. А раз не стало силы, способной удержать невероятное внутреннее давление – этот фотонный клубок взорвался.

Вселенная родилась!!!

Устремившись во все стороны света, фотоны начали сталкиваться и рождать электроны. Так появилась первая масса, а значит – гравитация, время и пространство. Но фотоны летят с единственно возможной скоростью – скоростью света, что недопустимо для электронов. И рождённые от фотонов электроны, перераспределив энергию в массу, полетели со значи-

тельно меньшей скоростью. Потом появились протоны и нейтроны, их скорость упала ещё в две тысячи раз, и Вселенная приступила к строительству своего родного дома, при этом, законы такого строительства определялись устройством её кирпичиков – электронов, протонов и нейтронов.

Ничего другого, кроме того, что сегодня есть во Вселенной, не могло быть создано, а значит, та программа, что была заложена в элементарных частицах, сопоставима с семью днями Господа, правда, вселенские семь дней растянулись на многие миллиарды лет и продолжают до сих пор.

А что Вы хотите? Вселенная шла неизведанным путём, методом проб и ошибок, а Господь знал, что творил и, в конце концов, сотворил человека.

Для того чтобы создать человека, Вселенной потребовались миллиарды лет, а наличие у всего живого компьютерной программы в образе одной и той же спирали ДНК, подталкивает к мысли, что и во всей Вселенной принцип зарождения и развития жизни должен быть одним и тем же...

Доклад слушали с таким вниманием и так увлечённо, что даже не заметили, как дипломант замолчал. И, помолчав в тишине аудитории с минуту, Саша тихо сказал:

– У меня всё.

Да, такой защиты ни один учёный из комиссии ещё не знал, а сколько их было. Все захлопали, но один профессор решил задать вопрос:

– Мне всё понравилось, но как автор допускает совмещение в научном дипломе наличие спирали ДНК и Господа Бога.

На что бывший студент просто и убедительно ответил:

– Предлагаю и то и другое считать неоспоримыми фактами.

Спираль ДНК есть, это научный факт, но как она возникла, никто не знает. Все знают, что Господь Бог есть, но никто Его не видел. Поэтому пускай всё остается так, как есть в нашей спиральной жизни.

Все, кто был в зале, дружно захлопали, а председатель вывел жирную пятёрку.

После того, как аудитория успокоилась, слово попросил один из гостей.

– Александр, я знаю, что Вы распределились в одно из космических НИИ, но я предлагаю Вам работать в Институте теоретической астрономии, где я руковожу одним из отделов. Я уже понял, что Ваше призвание – астрофизика, и Вы в ней многого достигнете. Соглашайтесь, распределение изменим, думаю, декан факультета возражать не будет.

Так наш Гений улетел к звёздам – своей заветной мечте.

Но не суждено ему будет тягаться с Господом, который за семь дней решил все проблемы и загадки нашего бытия, родив не только твердь, но и человека, добавив для симметрии женщину, которая тоже оказалась человеком, но совсем из другого теста, с другими нравами и фигурой.

Вечером, в кругу родных и близких, отметили дипломы, окончание ВУЗов и путёвки в новую жизнь, а также будущую свадьбу, что состоится через неделю. Заявление подали ещё три месяца назад, большая очередь, тогда же договорились и о венчании.

Минула неделя и наши молодожёны произносили сакральное: «Да!!!», надевали кольца и расписывались в государственных бумагах. Потом цветы, поздравления, и, пролетев, от Исаакия на Невский, а после, на Владимирский проспект, торжественно входили во Владимирский собор.

Стоя у аналоя и слушая батюшку, Маргарита подняла глаза вверх и замерла, увидав под куполом собора двух ангелов. Они парили в вышине и медленно спускались вниз. Невеста слегка толкнула мужа и прошептала:

– Смотри, это наши Ангелы-Хранители.

Ангелы сделали круг и резко порхнули вниз, замерли у новобрачных и улетели в небеса.

Венчающаяся пара сделала три круга у аналоя, поцеловала две иконы и, получив благословение, уехала домой. Дом находился совсем рядом – по Невскому проспекту и на Малую Морскую.

А теперь давайте вернёмся к квартирному вопросу.

На Малой Морской испокон веков жила Сашина бабушка. Она маленькой пережила блокаду, родила сына, у которого и родился её внук. Сын получил хорошую квартиру и бабушка, после смерти деда осталась одна.

Когда Александр сообщил о женитьбе, бабушка решила отдать квартиру внуку, а сама переехать к сыну. Быстро оформили все документы, переоформили собственность, и молодая семья въехала в дом на улице, весьма известной. В прошлом здесь жили: Тургенев, Гоголь, жил и умер Чайковский.

Квартира отвечала всем требованиям старой российской знати: две комнаты по тридцать метров, двадцать – кухня, огромная ванная комната, вместительная прихожая, и второй этаж. А если оценивать её стоимость по современным меркам, то набегали немалые миллионы.

Вот в этой квартире и стали жить мои герои, совершенно не задумываясь о том, что кто-то положит на неё глаз и попытается просто отобрать, имея силу и наглость, а также элементарный беспредел, что заполнил городские и деревенские улицы нашей страны.

Но давайте всё по порядку.

Отгуляв март, молодожёны пошли на работу. Маргарита – в свой Финэк, а Александр – изучать звёзды.

Руководитель Маргариты по аспирантуре всё не мог придумать тему диссертации, сам не понимая почему. Он неделю перебирал всевозможные варианты, но в один из дней в его кабинете раздался звонок и мужской голос предложил тему. Он не представился, но профессор университета тут же согласился и записал в блокноте: «Развитие издательского бизнеса в условиях современной России». Предложение звучало, как приказ.

Данная тема сыграет огромную роль в судьбе моих героев, но случится это года через три, а пока, посмотрим, как наш астрофизик, не по своей воле, сменит профессию и займётся тем, что от астрономии будет так же бесконечно далеко, как и мы от звёзд.

Александр с головой окунулся в работу, его включили в группу по изучению разбега галактик, было безумно интересно, и коллектив профессоров принял молодого учёного с радостью. Он часто спорил с маститыми, выдвигал свои идеи и, в конце концов, стал работать на равных, поражая опытных и седовласых своими знаниями и мыслями об окружающем нас мире.

Но, однажды, пришло несчастье. Директор собрал научных сотрудников и объявил о закрытии института. Государство прекращало финансирование работ, и всем предлагалось написать заявления по собственному желанию. Это был удар, но подобные закрытия и разорения накрыли тысячи заводов, фабрик и НИИ, что подрывало научный и промышленный потенциал страны на многие годы, если не навсегда.

Придя домой с трудовой книжкой, отставной астрофизик всё рассказал жене, которая не очень-то и расстроилась, зная, как экономист, что творится в её родной стране.

Она успокоила мужа и выразила твёрдую уверенность, что работу он найдёт, а о звёздах будет думать по вечерам и в выходные, конечно, если будет желание.

Вот неделя, вторая проходит, а там и месяц, но астрофизика никто на работу не берёт, в городе и так всё останавливается, нужны только бухгалтера и охранники. Александр ужасно переживает, но жена успокаивает и тоже обзванивает и опрашивает друзей, однако работы нет. С деньгами туго, хорошо, помогают родители, но однажды, в доме раздаётся звонок в дверь, и входит мужчина, лет сорока. Представляется адвокатом одного из своих постоянных клиентов и произносит странную речь:

– Я к Вам с очень хорошим предложением. Мой клиент желает купить квартиру в Вашем доме. Человек он богатый, а Вы, насколько нам известно, сейчас без работы. Аспирантура тоже не подарок.

Он хочет купить, именно, Вашу квартиру. Взамен, мой клиент, покупает Вам трёхкомнатную квартиру в новостройке и плюс три миллиона рублей на всякие расходы. Имея такие деньги, Вы сможете и жить в достатке, и найти работу, не впадая в нищету.

Человек он очень влиятельный, и это предложение должно Вас заинтересовать.

Вы должны понять, что это только предложение и Вы вправе отказаться, но сами подумайте, это шанс начать новую жизнь, и, потом, наша жизнь весьма нестабильна и в ней может случиться всё, что угодно. Подумайте. Я зайду через неделю.

Гость попрощался, предварительно окинув взглядом квартиру, и так же внезапно ушёл, как и появился.

В семье воцарилась гнетущая тишина. Молодые смотрели в глаза друг другу и без слов понимали всё.

– Это бандиты, не сомневаюсь, – прошептал Александр. – Что будем делать?

– Сначала звоним родителям, – ответила Маргарита, и пошла за трубкой.

А пришлый юрист спустился по парадной лестнице и вышел на Малую Морскую, сощурив глаза от яркого солнца. Там его ждали два крепких парня, что привезли и должны были увезти к хозяину. Ребята видели, как адвокат вышел, сделал два шага, чтобы перейти улицу, но, вдруг, поскользнулся, грохнулся на асфальт и закричал благими словами русского нецензурного языка.

Подбежали прохожие, из машины выскочили те, что ожидали, и увидели ужасную картину. Левая нога юриста была сломана и торчала в сторону, правая рука болталась на связках. Казалось, что этот человек свалился с десятого этажа и сломал всё, что мешало падению на тротуар.

Крепкие парни подхватили калеку на руки, вбросили в машину и рванули к шефу.

Нет, они не стали орать по телефону, что всё пропало, гипс снимают, а клиент уезжает. Нет, они сообщили о травмах, получили указание: доставить в больницу, и бросились исполнять приказание.

На второй день все собрались у Сашиних родителей, вызвали родственника, служившего в ФСБ города и стали совещаться. Разговор был длинный, но пока, поскольку прямой угрозы не было, в правоохранительные органы решили не сообщать. О продаже не могло быть и речи, опасность грозила серьёзная. Однако заявление в полицию написали и отдали родственнику из ФСБ. На всякий случай.

Через неделю снова звонок в дверь, и незнакомый человек, попросил разрешения войти. Это оказался другой юрист, но того же клиента. Он принёс документы, заполненные на продажу квартиры, с просьбой их подписать, и завтра можно будет поехать смотреть трёшку в новом доме, правда, на краю города, но три миллиона оставались в силе.

Получив отказ, юрист раскрылся и пригрозил большими проблемами, в случае, если согласие не будет получено. Он оставил документы на столе, визитку и отдельно номер телефона, по которому надо будет позвонить, после подписания. На всё отводилось три дня.

Выйдя на улицу, гость осторожно прошёл к машине, всё время, смотря себе под ноги, сел на заднее сидение и сказав:

– Ломаются, – коснулся плеча водителя.

Машина резко рванула с места, выскочила на Исаакиевскую площадь, пошла на левый разворот, чтобы вписаться в Большую Морскую, но, почему-то, её занесло вправо. Скользя, она выскочила на набережную Мойки, где столкнулась с поливальной машиной. Та ударила вылетевшую иномарку своей водяной массой и передним бампером. «Мерс», получив прилич-

ный импульс, пробил ограждение и нырнул в Мойку у Синего моста. Через минуту он скрылся под водой, как подводная лодка.

Машину искали сутки, но даже масляных пятен не обнаружили. Видать, «подлодка» ушла на недосыгаемую глубину...

Когда Мандельштам писал своё стихотворение: «Я вернулся в мой город знакомый до слёз...», то прекрасно понимал, что и город стал другим, и люди изменились. Это были тридцатые годы, и ожидание «дорогих гостей» означало только одно: визит сотрудников НКВД для ареста очередной жертвы террора.

Время было такое.

С тех пор минуло много лет, но люди опять стали ждать «гостей дорогих», шевеля кандалами цепочек дверных. НКВД уже давно не было, но появились бандиты, которые без суда и следствия точно так же приходили и днём, и ночью, чтобы убить, похитить, или запугать простых граждан, обладающих той или иной недвижимостью, сбережениями или бизнесом.

Ничего не изменилось, просто террор ушёл в мир бандитов, чиновников и продажных полицейских. А значит, «...я на лестнице чёрной стою и в висок, ударяет мне вырванный с мясом звонок». Тех, кого предупредили, каждую секунду ожидали звонка в дверь, чтобы пасть к рукам «организованных карателей». Скрыться удавалось немногим.

И вот теперь это ожидание пришло в молодую семью. Да они испугались. Пугала неопределённость. Что последует за предупреждением, как себя вести, что предпринять для своей защиты? Ответа не было ниоткуда.

Александр сидел без работы, иногда выходя в магазин. Маргарита каждое утро уезжала в свой университет, ничего не хотелось делать, мысль об угрозах терзала душу постоянно.

Соседи, как-то, рассказали о мужчине у их подъезда и его страшных переломах, о падении машины в реку Мойку. Но мои герои никак не связывали эти случаи со своей бедой, хотя связь была прямая.

Три дня, отведённые для подписания документов пролетели очень быстро, прошла неделя, но никто больше их не тревожил, не звонил и не навещал. Установилась загадочная тишина.

Но в один из дней Маргарита ушла на работу и не вернулась. Александр ждал до восьми, потом десяти вечера. Минула ночь, а жены так и не было. Он обзвонил всех родных и друзей, полицию и больницы, везде отвечали незнанием.

На другой день в десять утра раздался телефонный звонок и мужской голос сообщил, что Маргарита у них, и если собственник квартиры сейчас же не подпишет документы, то жену он может уже и не ждать. Телефон требовал никуда не звонить, ни в коем случае не сообщать в полицию, а подписанные бумаги отдать их человеку, который будет ждать Александра в подъезде дома через полчаса.

Жизнь жены была дороже всего, и наш молодожён всё подписал, вышел из квартиры, спустился на первый этаж и увидел в темноте парадной мужчину. Тот подошёл, спросил, всё ли готово, посмотрел с фонариком подписи и промолвил:

– Жена скоро будет, она сама к тебе придёт, прощай, – и вышел на улицу.

Александр повернулся, поставил ногу на ступеньку, и получил удар по голове железным прутом. Дверь парадной снова открылась, кто-то шагнул навстречу солнцу, и на лестнице наступил полумрак, да лежащий в крови человек...

Совсем недалеко от Малой Морской, в доме у ДК Связи, в большой старой квартире, на кухне, играли в карты четыре человека. Если пройти по коридору и заглянуть в последнюю дверь, то можно увидеть женщину, прикованную наручниками к трубе. Она склонила голову и тихо кого-то ругала. А ругала она себя, за то, что позволила затащить её в машину, не выкрикнув слов о помощи. Затем была потеря сознания и вот эта комната.

Вдруг, в другом конце коридора раздались крики ругани, потом выстрелы и наступила тишина.

Женщина подняла голову, посмотрела в сторону двери, и в этот момент щёлкнул замок наручников, рука оказалась свободной.

Маргарита, а это была, именно, она, тихо подошла к двери, слегка её приоткрыла, прислушалась и заглянула в щёлку. Коридор был пуст, и никаких звуков ниоткуда не доносилось. Тут же, на диване лежала её сумочка. Она её взяла, открыла: ключи, документы и деньги оказались на месте.

Тогда, осторожно ступая как можно тише, Маргарита пошла по коридору и увидела большую кухню. На столе лежали карты, а вокруг на стульях, откинув головы, сидели четыре тупа. В руках и на полу были пистолеты. Женщина отступила назад, бросилась к входной двери, дёрнула за ручку и выбежала на лестницу.

Ни сверху, ни снизу не доносилось, ни малейших звуков. Тогда, собрав всю силу воли, Маргарита побежала вниз, выскочила на улицу, поймала такси и унеслась домой.

Заметив у подъезда «скорую», женщина сразу всё поняла и открыла заднюю дверцу машины. На носилках лежал бездыханный Александра. Маргарита запрыгнула внутрь и с криками: «Это мой муж», унеслась в Военно-медицинскую Академию.

Тот, кто забирал у Александра документы, не соврал: жена сама приехала к мужу..., правда, чтобы отправиться с ним в больницу.

В 412-м номере гостиницы «Астория» сидел Валаам и ругал себя, на чём свет стоит. Пока он освобождал Маргариту, чуть не убили Александра. Виноват был только он, и сердце чувствовало, что наказание будет.

Внезапно, в комнату ворвался свет голубого неба с белыми облаками. И в этих облаках показался Господь. Он посмотрел на Сатану и произнёс страшные слова:

– Злыдень, тебя за чем посылали на землю? Этот человек должен написать продолжение романа, а ты не защитил его, не спас. Ты знаешь, как я бываю жесток, и тому есть веские причины. Я утопил человечество в великом потопе, за его развратную жизнь, сжёг Содом и Гоморру, за те же злодеяния. Выгоняя Адама и Еву из Рая, я надеялся, что тяжёлый труд не оставит времени для греха, но всё было напрасно. То, как ведут себя люди теперь, соответствует деяниям Сатаны. Твоим деяниям, поэтому, месть должна быть жестокой, и отомстишь ты. А что касается писателя, то к нему я пошлю своего сына Иисуса Христа. Он вылечит его, и роман будет написан. А теперь иди, это Мой Сын очень добрый к людям, а ты должен быть жесток, как никто другой. Я разрешаю всё!

Господь исчез, а за ним растворился и хозяин номера.

Приморское шоссе, выливаясь из Петербурга, течёт вдоль залива, украшенное с одной стороны санаториями и детскими лагерями. С другой, что к заливу – ресторанами и пляжами. И зимой, и летом, здесь всегда полно народа. А летом, в выходные, ни машину поставить, ни сесть за свободный столик, многим просто не удаётся, и так до поздней осени.

По пешеходной асфальтовой дорожке вдоль шоссе шёл мужчина. Его золочёная трость блестела в лучах низкого солнца, что катилось по заливу, радуя тысячи горожан, убежавших от духоты проспектов сюда к морской прохладе и десяткам ресторанов.

Мужчина шёл к одному из них, что гремел музыкой и грохотом открываемого шампанского, визгами женщин и криками опьяневших мужчин.

У входа в ресторан стояли пять здоровенных охранников, и любой прохожий, или отдыхающий, попытавшийся зайти и перекусить, тут же посылался подальше, получив объяснение, что ресторан обслуживает корпоративный праздник.

Мужчина с тростью подошёл к ресторану, но резкий окрик охранника заставил его остановиться.

– Дед, куда прёшь, ресторан занят, иди куда шёл, – и охранники дружно засмеялись.

– Я приглашён сюда, – и мужчина показал пригласительную открытку.

Охранник посмотрел на обычный автобусный билетик, заулыбался, открыл дверь и предложил войти.

В большом банкетном зале стоял длинный стол, окружённый гостями. Шла шумная пьянка, всевозможные тосты и речи заглушали друг друга. Сюда накладывалась музыка, топот танцующих и филигранные «па» официантов, что кружились вокруг гостей, ублажая любую прихоть, боясь что-то сделать не так, ведь обслуживали они одну из самых известных преступных группировок города – «Ольгинских».

Главарь банды сидел в дальнем конце стола с молодой красавицей и взирал на своих вассалов, умеющих только грабить и убивать. За это он их и ценил, хорошо платил, требовал невозможного, а провинившихся просто уничтожал.

Мужчина с тростью подошёл к столу, сел на свободный стул, напротив главаря, у него оказалась чистая тарелка и приборы. Он налил водки, поднял рюмку, и в это мгновение в зале воцарилась гробовая тишина.

– Кучерявый, – обратился мужчина к главарю, – выпей со мной, думаю, больше тебе пить не придётся. А выпьем за моего знакомого и его жену, у которых ты решил забрать квартиру. Ты похитил женщину, чуть не убил хозяина квартиры. Пришло время платить.

Первой закричала красотка, что сидела рядом с Кучерявым:

– Миша, кто это, ты сказал, что квартира уже моя, документы подписаны, выбрось этого деда на улицу, и пускай ребята его хорошенько почистят.

– Мужик, ты кто такой, кто тебя сюда пустил? – выкрикнул атаман. – Эй, Вася, займись-ка гостем.

Но никто не бросился вышвыривать пожилого человека на улицу, а все, кто были за столом, уставились на гостя.

Тогда главарь встал из-за стола, подошёл к мужчине, достал из кармана пистолет и приставил к его виску.

– Ну что, стрелять сразу, или расскажешь, кто тебя послал?

– Видишь ли, меня послал Господь Бог, так что остальные вопросы излишни.

– Вы слышали, это что твой хозяин? Значит, появился конкурент. Ну что же, у меня пуля на всех хватит!

– Да нет, стрелять ты больше не будешь, помнишь Колю Лысого, ты убил его родного брата, перестрелял всех его ребят, а его самого посадил на десятку? А? Так вот будешь ты теперь сидеть с ним в одной камере, а Коля очень здоровый малый, и у него там своя команда.

Бандит нажал курок, но пуля вылетела не вперёд, а назад, ударила в грудь стрелявшего и унесла главаря банды в далёкую Сибирь, в колонию строгого режима, как раз к прибытию новой партии заключённых.

Офицер, в это время, распределял новеньких по камерам:

– Заключённый Антонов, кличка Кучерявый – камера 56.

Дверь в камеру №56 открылась, и Миша Кучерявый сделал всего один шаг, как тут же раздался крик, смех и знакомый голос, дрожа от радости, выпалил:

– Есть Господь на свете, есть! Услышал он мои молитвы.

Дверь закрылась, и в тот же миг кулак врезался в нос Мишки, он отлетел в угол и понял, что того старичка с тростью послал, именно, Господь Бог.

Услав главаря в далёкие края, Сатана занялся его окружением.

– Ну что, ребята, – обращаясь к сидевшим, сказал палач, – есть у меня очень хороший знакомый, отъявленная сволочь. Но, однажды, он попросил меня прислать пару десятков крепких парней. Зовут моего знакомого Нерон, он император и очень нуждается в гребцах для его личной галеры. Человек он с придурью, совсем недавно сжёг Рим, теперь всё отстраивает,

бывшую команду он казнил, так что поедете к нему. Ребята Вы сильные, привыкли служить хозяину, послужите и императору.

Валаам просто махнул рукой вдоль стола, и вся пьяная компания унеслась в древний Рим, бороздить реки и моря Римской империи.

За столом осталась только красотка, которая так и не поняла, что происходит. Алкоголь своё дело сделал, и дева наблюдала всё это действие, как весёлое представление.

– А ты чего сидишь, голуба? – спросил судья, – тебе я тоже присмотрел хорошее местечко. Полетишь ты в далёкие средние века, в Испанию. Там, как раз, в одном городе завелась ведьма. Ищут её уже неделю. Вот ты и будешь этой ведьмой. Удастся тебе убежать, хорошо, а нет, так костёр уже сложен, всё зависит только от тебя. Поезжай.

И женщина, в чём была одета, в том и унеслась. Ведь наряды двадцать первого века будут восприняты в четырнадцатом, как воплощение зла, а короткая юбка, да босоножки на высоких шпильках убедят любого жителя тех веков, что перед ними самая настоящая ведьма.

Он знал, что через пару дней костёр инквизиции будет пылать, и очень ярко.

Вернёмся в Военно-медицинскую академию города Санкт-Петербурга.

В отдельной палате реанимации лежал наш герой, в сознание он так и не приходил. Врачи колдовали у его постели; он прошёл МРТ, рентген, УЗИ, массу анализов и измерений. В конце концов, главный врач сказал, что больной впал в кому, и от того, как быстро он из неё выйдет, будет зависеть его будущая жизнь. Если кома продлится больше семи дней, лучшее из всего будет смерть. Худшее – потеря разума и психиатрическая больница.

И в Академии стали происходить удивительные вещи. Маргарита сразу потребовала, чтобы ей разрешили быть при муже. Главврач без колебаний, тут же, приказал поставить в палату вторую кровать и приносить Маргарите завтраки, обеды и ужины. Кроме этого рядом всегда будет дежурить медсестра.

С этого дня, вдвоём, или одна, Маргарита сидела у постели своего мужа, моля Бога о помощи, отдыхая по паре часов в день. В жизни очень часто наступают такие минуты, когда остаётся только одна надежда, и эту надежду нельзя упускать ни в коем случае.

Прошло три дня, в палате были Маргарита и медсестра. Часы пробили полдень и, вдруг, у потолка вспыхнуло сияние, и с высоты небес к кровати больного спустился сам Иисус Христос.

Маргарита взглянула на сестру и поняла, что та спит. Тогда, не боясь ничего, она, став на колени, обратилась к Христу:

– Господи, умоляю, спаси моего мужа, на тебя вся надежда!

Иисус положил руку на голову Александра, посмотрел на Маргариту и произнёс:

– Я за этим и пришёл. Этот человек ещё не всё сделал в своей жизни. Он будет жить, но пролежит семь дней и встанет совершенно здоровым. Три дня уже прошли, осталось четыре. Он должен быть в забытии, чтобы выполнить Божью волю. С этой минуты Вас будут охранять, и ни один волос не упадёт с Ваших голов, а все, кто попытаются это сделать, исчезнут в Адовых катакомбах.

И тут, Александр открыл глаза, посмотрел на Господа, снова их закрыл и погрузился в сказочный сон.

Не знаю, что говорят доктора о людях находящихся в коме, но мой герой все эти дни видел такие сны, которые здоровому человеку не даны в течение всей жизни.

Сны были яркими, цветными и до того реальными, что он просто жил в них, хотя ничего подобного в его прошлой жизни никогда не происходило.

Он ходил по музеям Франции, Чехии, США и Испании. Слушал Штрауса в Вене и Верди в Париже. Любовался Римом и сидел в партере лучших театров Италии. Вот он стоит у картин Да Винчи в Эрмитаже, гуляет по Великой китайской стене, плывёт по каналам Венеции и любит замками Германии.

Откуда это возникало в его голове, зачем такие живые спектакли роятся и роятся в его сознании, но нет ответа, а тут ещё Янтарная комната, фонтаны Петергофа, строящийся Петербург и Екатерина II, мечтающая о своей личной картинной галерее.

Но проходят четыре дня, и больной открывает глаза, он видит свою жену и бросается к ней в объятия.

Медсестра, с криками, но радостной улыбкой, выбегает из палаты, и возвращается с докторами да медсёстрами, что толпятся у двери.

В общем, Чудо состоялось, что констатировали, как простые больные, так и профессора, и доктора наук.

Подержав удивительного пациента ещё пару дней, лечащий врач его выписал, и на такой же «Скорой помощи», что привезла в Академию, отправил домой.

Врачи «скорой» проводили пару до самой квартиры, попрощались и ушли. Маргарита открыла дверь, маленькая семья вошла в квартиру, обнялась и, полная счастья, прошла в гостиную.

На столе лежали какие-то бумаги. Александр взял их в руки и прочитал маленькую записку, что была сверху.

«Эти, подписанные Вами документы на квартиру, можете сжечь. Желающие поселиться в ней уехали очень далеко, им теперь не до квартиры. Живите с миром. Ваш друг».

Приют спокойствия, трудов и вдохновения

Уже через два года после государственного переворота, Екатерина II задумалась о создании маленького личного убежища или, я бы сказал, кельи, от государственной и городской суеты. Именно тогда, Императрица задалась благородной целью – собрать в ней огромную коллекцию живописи и скульптуры, что с успехом продолжили её потомки, значительно позже открыв всё это для всеобщего обозрения и родив, тем самым, великолепное чудо, под названием Эрмитаж!

Таково предисловие к этой главе!!!

Мои герои родились в Ленинграде, но как часто случается в нашей стране, городу вернули старое название, однако от этого Эрмитаж не уехал в захолустье, Петропавловка не утонула в болоте, а как сияла, так и сияет золотым шпилем. Медный всадник всё так же показывает рукой на Неву, предупреждая западные страны, чтобы с мечом к нам: «Ни, ни».

А раз так, то говорить о том, что Маргарита и Александр не знали что такое красоты Петербурга, было бы глубочайшим заблуждением. И Пушкинские: «Люблю тебя Петра творенье...» были впитаны ими с молоком матери.

Если кто-то удивится таким крутым поворотам в судьбе моего героя, то я расскажу о ещё одном увлечении Александра. Жить в таком городе и не ходит по музеям, и театрам, которых здесь очень много, – просто грех.

С детства родители приучали ребёнка к великому и прекрасному. А научившись читать, он уже сам изучал справочники, путеводители и описания картин. Зачитывался мифами и легендами античной Греции и Рима, с большим интересом читал биографий художников, скульпторов и архитекторов.

Оперы, балеты и спектакли он пересмотрел и прослушал в полном объёме репертуара великого города. И это нисколько не отвлекало его от астрофизики, но зато в любой компании он мог на равных обсуждать любую тему живописи, средневекового искусства, или фресок монастырей, а талант рассказчика, покорял слушателей своей увлечённостью и глубоким знанием обсуждаемого вопроса.

В общем, смена профессии нисколько не могла сказаться на его авторитете, как специалиста, что и проявилось совсем скоро, но об этом по порядку.

Как-то летом, у начальника отдела кадров Государственного Эрмитажа раздался телефонный звонок. Представились из Министерства культуры и предложили кандидата на должность куратора зарубежных выставок.

– Есть очень хорошая кандидатура на эту должность. Молодой специалист, но с потрясающими знаниями западной средневековой культуры. Прекрасные отзывы из университета, год работы в одном из отделов культуры городского правительства.

Начальница Эрмитажа позвонила в деканат исторического факультета университета и получила не менее восторженный отзыв о молодом человеке.

Как замороженная, женщина, просто из памяти, набрала номер городской квартиры Александра и попросила его к телефону.

– Саша, тебя к телефону, сказала Маргарита и протянула трубку.

Выслушав предложение, наш астрофизик согласился завтра посетить отдел кадров музея и всё рассказал жене.

Маргарита даже не удивилась, а пошла в другую комнату, искать диплом, трудовую книжку и паспорт.

Вернувшись к мужу она, перед тем, как отдать, открыла диплом.

Её глаза округлились, недоумение исказило красивое лицо, а голос произнёс:

– Исторический факультет, специальность – Культура и искусство западной Европы четырнадцатого и семнадцатого веков.

Затем она открыла трудовую книжку и прочитала последнее место работы Александра.

– Что это, посмотри, откуда такая профессия и место работы?

Но тут, издали, раздался тихий голос:

– Когда в палату к твоему мужу явился Христос, ты не удивилась. Так почему же сейчас такое непонимание? Запомни: Пути Господни неисповедимы!!!

И на другой день наш специалист сидел в отделе кадров Эрмитажа, слушая заманчивое предложение.

Разговор был долгим: масса вопросов, блестящие ответы, объяснения, ссылки и рассказы о том или другом художнике. А в самом конце беседы, как бы, между прочим, был задан вопрос:

– А всё-таки, был ли богат Рембрандт в конце своей жизни?

– Как Вам сказать, – ответил Александр, – если считать любовь, то в ней он был очень богат, и первая, и вторая его жёны увековечены в шедеврах художника. Но умер он в полной нищете, хотя сегодня его картины не может купить, ни миллионер, ни богатейшие музеи мира. И это относится, как ни печально, ко многим великим художникам. Импрессионизм тому прямое подтверждение.

На другой день наш кандидат сидел уже в кабинете директора Эрмитажа и отвечал на строгие вопросы академика. Михаил Борисович не хотел брать на работу случайного человека, да к тому же такого молодого, и допрос был очень пристрастным.

Но одного не знал директор, что в тот самый миг, когда Александр уселся в кресло напротив опытного востоковеда, в маленькой рамочке с портретом знаменитого посетителя музея, вдруг, появился Валаам и стал диктовать ответы на самые каверзные вопросы.

Только не надо путать Сатану со стариком Хоттабычем, который точно так же появился в рамке портрета Гоголя на экзамене по географии и внушал Вольке, что Индия расположена на краю земного диска, окружённая странами, где живут плешивые люди.

Старик Хоттабыч был обыкновенным джином, к тому же, просидевшем в бутылке две тысячи лет. И его знания об окружающем мире не выходили за пределы первых веков до нашей эры.

Сатана был совершенно другим. Если он и рассказывал о том или ином человеке из прошлого, то это были личные воспоминания их встреч и дружбы, а таких знакомств в его сатанинской жизни было предостаточно.

Он лично знал да Винчи, давал советы Ньюто́ну, позировал Рафаэлю и Тициану. Пил вино с Ренуаром и Шишкиным. Он мог рассказать такое о художниках, скульпторах и композиторах, что перевернуло бы многие представления об их далёком прошлом.

И диктуя ответы Александру, он даже смущался, вспоминая такие моменты из жизни великих, о которых никто не мог и знать. Но именно они восхитили директора, который и дал добро о приёме на работу.

В конце беседы директор предупредил, что в работу надо будет включаться немедленно, так как через месяц в музей прибудет картина, в прошлом проданная США, и российские зрители увидят её впервые.

Это была знаменитая «Благовещение» Яна Ван Эйка, цена которой, на сегодня, не имела границ.

Чувствуя огромную ответственность и первый выход в свет, наш герой подошёл к выставке основательно: изучил литературу, историю картины и её нелёгкую судьбу. Он принимал самое активное участие в подготовке зала, охране шедевра и выступлению специалистов на презентации, что было уникальным явлением в культурной жизни не только Эрмитажа и города, но и всей России.

Наступил день открытия выставки. Море людей, иностранцы, специалисты и дилетанты, сотрудники музея и журналисты.

Как всегда, вступительное слово произнёс директор Эрмитажа, потом пошли американцы, знатоки, почитатели и завершил речи Александр.

– Я буду краток, – начал новый куратор, – но величие этой картины так огромно, что она одна способна затмить целый музей. И построй только для неё одной огромное здание с единственным залом, где будет стоять это чудо Ван Эйка, никаких других картин и скульптур в таком музее больше не потребуются. Она одна воплотит в себе тысячи произведений, а её культурная и материальная ценности превзойдут многие музеи мира.

Это, как «Лунная ночь на Днепре» Куинджи. Её одну можно смотреть бесконечно, при этом, представлять тысячи других, находящихся далеко за пределами Русского музея.

Говоря эти слова, Александр смотрел на гостей, как, вдруг, заметил знакомое лицо. Это был тот иностранец, что повстречался с молодыми в кафе на Невском проспекте. И хотя с тех пор пролетели месяцы, лицо и фигура остались в памяти, будто виделись они каждый день.

Мужчина сам подошёл к Александру.

– Я же говорил, что звёзды Вы изучать не будете, – глядя в глаза, сказал иностранец, – и писателем Вы станете, как я и обещал. Помните, я сказал, что славы роман Вам не принесёт, хотя читать его будут все. Ничего удивительного, «Ветхий завет» знают все, а вот автора – никто. Даже те, кто написал «Евангелие», знаменитыми стали значительно позже их смерти. Но не расстраивайтесь, у Вас ещё всё впереди. Жизнь – это удивительная штука, и что тебя ждёт, не знает никто. А вот я знаю, и покажу Вам кое-что такое, после чего Вы поверите и в Сатану, и во Христа, и в чудеса, что будут сопровождать Вас всю жизнь.

И когда Вам будет трудно, я всегда приду на помощь; та встреча была не случайной, поверьте. А знаете, картина действительно бесценна, Вы хорошо сказали. Я обдумываю эти слова. И к ним мы ещё вернёмся. Справедливость должна восторжествовать.

Александр хотел было задать вопрос, относительно какой справедливости, но гость повернулся, помахал рукой и исчез. В такой огромной толпе людей, искать его было бесполезно.

Но на этой выставке он познакомился ещё с одним человеком: журналистом из «Санкт-Петербургских ведомостей». Журналист взял небольшое интервью, они разговорились и как-то сразу нашли общие интересы, журналиста звали Андрей, ему было 35 лет, достаточный опыт работы, чтобы ответить на многие вопросы Александра относительно современных СМИ, а знакомство с куратором Эрмитажа тоже обещало сотруднику газеты хорошие контакты относительно будущих выставок и пресс-конференций.

В общем, выставка дала фантастический старт нашему герою. Ведь Эрмитаж – это живой организм, в коридорах и залах которого пульсирует алая жизнь российской культуры. Она бьёт ключом, разливаясь в выставках и научных конференциях. Сюда приезжают высокопоставленные гости, спонсоры и меценаты. Идёт обмен шедеврами с лучшими музеями мира. Любое событие стократно отражается прессой и телевидением. Арендуются залы Меншиковского дворца и самого Эрмитажа. Восстанавливаются и реставрируются, выставляются и пропагандируются произведения искусства, десятилетиями ожидавшие своего звёздного часа в запасниках. А их там несметное количество. И так каждый день, и год, без остановки на «Потом...».

Наш куратор оказывался в центре всех событий, что происходили в Эрмитаже. Он внимательно слушал всё и всех, кто имел честь посещать и любоваться величайшим музеем страны. И если кто-то считал, что это он украшает музей своим посещением, то уж сотрудники, как никто другой, знали: они пройдут, улетят и исчезнут, растворившись в немой бесконечности веков, а Великий Эрмитаж, как стоял, так и будет стоять, ни перед кем не склонившись и не став на колени. Потому что, в отличие от многих – он Велик и таковым останется навсегда!

Очень часто Александр брал с собой и Маргариту. А она, видя, как счастлив её супруг и, как прекрасно он освещает очередную выставку приезжих картин, сама расплывалась в гордой улыбке, уже ничему не удивляясь. А, заходя в Большую церковь Зимнего дворца, благодарила Господа за тот визит и исцеление её любимого мужа, который оказался мастером на все руки, даже здесь, где работали лучшие мастера изобразительного и архитектурного искусства нашей страны.

Но не это было главным в их жизни. Главный шаг ещё предстояло сделать, и Эрмитаж сыграет в этом не последнюю роль.

А куда же пропал Сатана, после встречи с Александром на выставке в Эрмитаже?

Что задумал он и о какой такой справедливости он намекнул?

О, это особый разговор.

Выйдя из музея, Дьявол остановил карету, которых в городе было уже достаточно, чтобы просто покататься, окинул набережную Невы своим строгим взглядом и приказал извозчику:

– В Бельгию, а точнее во Фландрию, в город Брюгге.

– Будет исполнено, Ваше Дьявольское Величество, – крикнул лакей, взмахнул хлыстом и опустил его на лошадей.

Лошади рванули, оторвались от земли и, сделав круг над крепостью, унеслись на запад.

...В мае 1435 года по улицам города Брюгге, не спеша, ехала очень богатая карета. Кучер, держа поводья, никуда не спешил, пассажир, сидевший в карете, любовался средневековым городом, куда он прибыл по одному очень важному делу.

Поколесив около часа, карета остановилась у красивого дома. Пассажир вышел из кареты, сказал, чтобы кучер ожидал, и пошёл в дом.

Побродив по комнатам, гость зашёл в большую залу, где стояли и висели картины, а на мольберте красовалась неоконченная картина, но художника нигде не было.

Дверь в соседнюю комнату открылась, и на пороге появился человек, небольшого роста в испачканном красками наряде и баночкой в руке.

Он посмотрел на гостя и зло промолвил:

– А, это ты, Сатана? Не ожидал тебя сегодня увидеть. Прошлый раз ты убеждал меня, что некоторые мои картины будут утеряны, хотя большая их часть переживёт века. После этого разговора я начал работы по поиску той магической формулы, которая сделала бы краски долговечными и быстросохнущими, не опасаясь их смешения при нанесении на холст.

То, что картины могут пропасть, я не исключал, но краски должны сиять сотни лет, и думаю, я этого достиг.

Так чего явился? Хочешь заказать свой портрет?

– Послушай, Ян, ты знаешь, что я никогда ни о чём тебя не просил, тем более, не требовал. Но сегодня хочу попросить оказать мне одну услугу, за которую я тебя хорошо отблагодарю. Ты пишешь триптих на тему Благовещение. Смотрю, заканчиваешь левую створку. Знаешь, не спеши с центральной и правой. Они будут утеряны навсегда. А что касается этой, левой, то у меня просьба. Поставь рядом второй мольберт и напиши копию, но идеально точную, теми же красками и только твоей рукой.

Я знаю, что ты хорошо зарабатываешь, у тебя высокий покровитель, большой дом, но что бы ты хотел в награду за эту работу? Называй любую сумму, никаких договоров мы подписывать не будем. Но, ведь есть же у тебя какое-то заветное желание. Есть, я знаю. Я всё исполню.

Знаменитый художник Ван Эйк подошёл к Сатане, взглянул в его роковые глаза и спросил:

– У меня одно желание – сколько мне осталось жить? Я успею закончить те работы, что наметил?

– Успокойся, время у тебя есть. Когда выполнишь работу, скажу точную дату и час твоей смерти. Приступай, через месяц я наведаюсь, и если картина понравится, я сделаю твоей жене Маргарите подарок.

Гениальному Мастеру оставалось творить всего шесть лет! Но Бес не стал расстраивать художника.

Он вышел на улицу, сел в карету и умчался через века в далёкую Россию.

...Как-то ранним утром, к служебному входу Эрмитажа подъехала машина, из неё вышел мужчина и прошёл к дежурной по музею у директорского коридора.

– Скажите, любезная, – обратился он к женщине, – к кому я могу обратиться, по поводу дарения музею картины? Я хочу сделать подарок Эрмитажу, мои предки жили в России, в Петербурге. В революцию они уехали в Париж. Где я и живу. Мой дед, перед смертью, попросил, чтобы кто-нибудь из потомков, в начале двадцать первого века, подарил одну семейную картину, именно, Эрмитажу.

Дежурная никогда с таким предложением не встречалась, немного растерялась, но потом позвонила куда-то по телефону и к посетителю вышли несколько человек. Они пригласили гостя в один из кабинетов заместителя директора и попросили подробно рассказать о картине и желании сделать подарок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.